МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

3/401.

11

1938

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

П 34
43

Гос. Публичная б-ка

11

НОЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1938

МАРКСИСТСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Л. Ильичев

Плеханов по праву занял в истории развития русской передовой общественной мысли почетное место. Как выдающийся теоретик и блестящий знаток марксизма и, кроме того, как популяризатор марксистских идей, Плеханов известен не только в СССР, но и далеко за его пределами.

С именем Г. В. Плеханова связаны первые шаги по распространению марксизма в России. В его лице маркистское учение имело страстного и талантливого бойца против всяких видов мракобесия и суеверия, богато одаренного публициста, умевшего не только ярко и глубоко изложить основные вопросы марксизма, но и защищать его, наносить врагам революционного мировоззрения пролетариата меткие и чувствительные удары.

Марксистом Плеханов стал не сразу. В первый период своей революционной деятельности он был связан с народническим движением.

Лишь позже, с одной стороны, под влиянием прочитанной им в эмиграции марксистской литературы и с другой под влиянием близкого знакомства с революционной борьбой рабочего класса Плеханов освобождается от народнических идей, пересматривает свои прежние взгляды.

При помощи марксизма Плеханов понял утопизм народничества и убедился в крушении планов народников. Плеханов подвергает резкой критике теорию и практику народников, решительно разоблачает их пособничество капитализму.

1883 год был переломным в революционной деятельности Плеханова. В этом году он выступил в качестве сложившегося и убежденного марксиста. Организованная Плехановым первая русская марксистская группа «Освобождение труда» вела пропаганду идей научного социализма. Распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык произведений Маркса и Энгельса, разработка актуальных вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма,— таковы важнейшие задачи, стоявшие перед марксистской группой «Освобождение труда». Благодаря деятельности этой группы на русском языке появились такие работы, как «Манифест коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Людвиг Фейербах» и другие, которые были напечатаны за границей и тайно распространялись в России. Кроме того самим Плехановым в это время были написаны замечательные работы: «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), направленные против народничества.

«В чем заключались основные ошибочные взгляды народников, которым Плеханов нанес сокрушительный удар?

Во-первых, народники утверждали, что капитализм в России представляет «случайное» явление, что он не будет развиваться в России, следовательно, не будет расти и развиваться и пролетариат.

Во-вторых, народники не считали рабочий класс передовым классом в революции. Они мечтали о достижении социализма без пролетариата. Главной революционной силой на-

родники считали крестьянство, руководимое интеллигенцией, и крестьянскую общину, которую они рассматривали, как зародыш и основу социализма.

В-третьих, у народников был ошибочный и вредный взгляд на весь ход истории человечества. Они не знали и не понимали законов экономического и политического развития общества. Они были в этом отношении совершенно отсталыми людьми. По их мнению, историю делают не классы и не борьба классов, а лишь отдельные выдающиеся личности — «герои», за которыми слепо идут масса, «толпа», народ, классы»[1].

В брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов развивает положение марксизма о том, что всякая классовая борьба есть политическая борьба. Исходя из марксистского учения и опыта пролетарского движения, Плеханов пришел к выводу, что революционное движение рабочего класса в России приведет к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию классовой борьбы с политической борьбой. Выводы, к которым пришел Плеханов в этой работе, имели в тогдашних условиях огромное политическое значение. Они решительно опрокидывали вреднейшие теоретические и практические домыслы народников, отрицавших руководящую роль пролетариата в революции, отрицавших необходимость политической борьбы рабочего класса, боровшихся против теории научного социализма и пропагандировавших вредную для революции тактику индивидуального террора.

Беспомощной и антинаучной болтовне русских народников, анархистов, бланкистов Плеханов противопоставил научный социализм Маркса и Энгельса, «учение, которое впервые дало реальное объяснение всему ходу развития человеческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиков буржуазии и «во всеоружии знания своего века» выступило на защиту пролетариата»[1].

Научный социализм предполагает, как справедливо говорил Плеханов, материалистическое понимание истории, согласно которому вся духовная история человечества объясняется развитием общественных отношений. Глубочайшая конкретность в анализе исторического развития,— вот что лежит в основе материалистического понимания истории. Вскрывая общие законы общественного развития, марксизм вместе с тем требует анализа конкретных особенностей, свойственных развитию той или иной страны. И поэтому, когда русские философы-субъективисты выступили с «теорией» о том, что будто бы научный социализм неприменим к России на том основании, что он вырос на почве западно-европейских экономических отношений, то это было одновременно и проявлением невежества, и преднамеренной злейшей клеветой на марксизм.

Плеханов блестяще разоблачил эту клевету на марксизм. «Общие философско-исторические взгляды Маркса,— писал Плеханов,— имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества...» Маркс и Энгельс, писал далее Плеханов, «не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они только ищут в них объяснения всех ее общественно-политических и умственных движений»[2].

Не менее актуальные теоретические и политические вопросы были поставлены в другой знаменитой работе Плеханова «Наши разногласия», которая, по замечанию Ленина, представляет первое социал-демократическое сочинение в России. Продолжая популяризировать марксистские положения, Плеханов в этой работе писал:

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1938 г. стр. 13—14.

[1] Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 44.
[2] Там же, стр. 47.

«4) Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров,— класс,

5) Освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий»[1].

Ленин высоко ценил эти ранние работы Плеханова, подчеркивая, что в них он «указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии...»[2]. Группа «Освобождение труда», руководителем которой был Плеханов, «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению»[3].

Марксистская группа «Освобождение труда» сыграла большую роль в распространении марксизма в России. Оценивая в целом литературную работу группы «Освобождение труда», Ленин писал: «Литературные произведения этой группы, печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи»[4].

Нужно вместе с тем отметить и серьезные ошибки, которые уже тогда допускались Плехановым. В программе, составленной группой «Освобождение труда», были остатки народнических идей, допускалась тактика индивидуального террора, недооценивалась роль крестьянства. В этих взглядах Плеханова был зародыш его будущих меньшевистских взглядов.

Но, несмотря на ряд отдельных серьезных ошибок, Плеханов в целом тогда стоял на позициях марксизма, и ему удалось создать «массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников» (Ленин).

Плеханов обладал всесторонними знаниями, умел живо и образно изложить сложнейшие вопросы марксистской теории, очень часто прибегал к примерам, историческим иллюстрациям,— все это делает плехановские работы доходчивыми и доступными. Если к этому прибавить страстность и непримиримость Плеханова в борьбе с врагами марксизма, веру в творческие силы рабочего класса, в котором он тогда видел настоящего героя исторического развития, то станет понятным, почему Ленин и Сталин всегда высоко ценили заслуги Плеханова в рабочем движении, указывали на необходимость внимательного и серьезного изучения плехановских работ, написанных в пору, когда он был пламенным трибуном марксизма.

Есть произведения,— к числу их относятся ранние работы Плеханова,— в которых как в зеркале отражаются вопросы, в свое время волновавшие целые общественные классы, вопросы острые и злободневные как в научном, так и в политическом смысле, вопросы о том, как и куда будет двигаться общественное развитие, какой класс будет вершителем судеб исторического развития.

Историческая заслуга Плеханова состоит в том, что он первый подверг марксистской критике взгляды народников — злейших врагов марксизма, нанес им сокрушительный удар. Плеханову не удалось окончательно разгромить народничество. Задача окончательного идейного разгрома народничества гениально выполнена Лениным. Однако в борьбе за развитие революционного самосознания рабочего класса, за формирование и развитие его организаций, за теоретическое обоснование целей, пути и средств революционной борьбы пролетариата роль Плеханова исключительно велика.

Плеханов оставил большое литературное наследство. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О материалистическом по-

---

[1] Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 332.
[2] Ленин, Соч., т. II, стр. 540.
[3] Ленин, Соч. т. XVII, стр. 353.
[4] Там же, стр. 343.

нимании истории», «К вопросу о роли личности в истории»[1],— все эти работы внутренне связаны между собой. В них борьба за революционный марксизм против народничества и международного ревизионизма поднимается на очень большую высоту.

Работа «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895 год) имела особо важное значение, и она должна быть поставлена на первое место. Ее выход явился большим событием в период, когда в общественной и теоретической жизни России на очередь дня стали вопросы борьбы за передовое, научное мировоззрение. Книга Плеханова в то время была настольной, по ней учились марксизму растущие кадры социал-демократов, на ней «воспиталось целое поколение русских марксистов» (Ленин).

По определению самого Плеханова, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» — произведение полемическое. Будучи резко заострено против субъективно-идеалистических взглядов народников, их реакционных и антинародных теорий, произведение Плеханова вместе с тем дает связное освещение некоторых вопросов истории философии, излагает и популяризирует коренные вопросы философского мировоззрения пролетариата.

По силе, яркости, остроумию, обилию фактического материала, иллюстрирующего основные положения марксистского мировоззрения, эта работа Плеханова является поистине самой замечательной, самой зрелой и талантливой из всех написанных им работ.

Первые же страницы книги дают правильное представление об основных течениях философской мысли. История философии есть история борьбы двух партий философии — материализма и идеализма. «Материализм есть прямая противоположность идеализма. Идеализм стремится объяснить все явления природы, все свойства материи теми или иными свойствами духа. Материализм поступает как раз наоборот. Он старается объяснить психические явления теми или другими свойствами материи, той или другой организацией человеческого или вообще животного тела»[1].

Плеханов правильно полагал, что материализм и идеализм исчерпывают важнейшие направления философской мысли. Наиболее последовательные и наиболее глубокие мыслители всегда склонялись либо к материалистическому (и, как показывает история философии, чаще всего именно к материалистическому), либо к идеалистическому миросозерцанию, отстаивая единый принцип при объяснении явлений природы и общества.

Но при этом всегда находились такие философы, которые пытались примирить противоположные взгляды. У таких философов, пытавшихся соединить разнородные направления, неизбежно получалась жалкая кашица, убогая философия, начиненная кусочками, заимствованными из противоположных философских течений. Против такого рода крохоборов от философии Плеханов направил все свое остроумие, тонко и едко высмеивал эклектическую мазню народников.

Очевидный абсурд и теоретическую немощь своих взглядов народники претенциозно пытались провозгласить последним словом науки и развязно противопоставляли свою субъективно-идеалистическую болтовню научным взглядам марксизма. Чтобы «принизить», обеднить исторический материализм, народники отождествляли его с так называемым «экономическим материализмом». Подобное смешение, как показал Плеханов,

[1] Указанные произведения Плеханова выпущены в свет Государственным издательством политической литературы в 1938 году.

[1] Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, стр. 7. Госполитиздат, 1938 г. В дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте.

вздорно и несостоятельно не только потому, что этим вносится невероятная терминологическая путаница, а главным образом несостоятельно по существу, так как «экономический материализм» чаще всего является лишь простой разновидностью исторического идеализма. Материалистическое понимание истории не имеет ничего общего с «экономическим материализмом».

Один из столпов народничества Михайловский сделал попытку провести грань между «экономическим материализмом», под которым он понимал взгляды марксизма, и материализмом в «общефилософском смысле», желая этим, с одной стороны, подчеркнуть, что марксизм будто бы вовсе не философское учение, с другой — что материалистическое понимание истории якобы лишено всякой связи с предшествующим научным развитием. Плеханов остроумно разоблачает эту клевету народников. В этих целях раньше, чем изложить суть научно-исторической основы марксизма, т. е. исторического материализма, Плеханов дает краткий, но блестящий очерк истории домарксовских учений.

Философский материализм Маркса и Энгельса является вершиной теоретического мышления,— правильно замечает Плеханов. По сравнению с предшествующим научным развитием марксизм является принципиально новым и высшим этапом. «Ведя свою родословную, между прочим, «от Канта и Гегеля», научный социализм является тем не менее самым смертельным и решительным противником идеализма. Он изгоняет его из его последнего убежища — социологии...» [1].

Чтобы показать принципиальное отличие марксизма и вместе с тем его связь с общенаучным развитием, Плеханов рассматривает взгляды французских материалистов XVIII века, теории французских историков времен реставрации, учения великих социалистов-утопистов, наконец воззрения немецкой классической философии и главным образом ее основного представителя — Гегеля.

Анализ домарксовских учений Плеханов начинает с французских материалистов, с их взглядов на общественное развитие. Для своего времени взгляды, развиваемые материалистами XVIII века, являлись прогрессивными. Что касается понимания явлений природы, они давали материалистический ответ: природа предшествует сознанию, материя — первичный фактор, сознание — вторичный.

Но когда у них заходила речь об историческом развитии, о законах развития общества, они покидали свой материалистический взгляд и начинали твердить, что мнения правят миром, т. е. переходили на позиции идеализма. В этом состояло коренное противоречие, которым страдал материализм XVIII века. Плеханов блестяще раскрывает это противоречие, делает его наглядным и очевидным.

Каков ход мыслей материалистов XVIII века? Человек,— учили они,— есть то, что делает из него окружающая среда, т. е. природа и общество. «Этот взгляд на человека,— пишет Плеханов,— как на плод окружающей среды, был главной теоретической основой новаторских требований французских материалистов» (9). Из этого взгляда на человека вытекали их требования разумного общественного устройства; совершенное общество создает совершенного человека. Но этим вопрос не исчерпывается. Нужно еще выяснить, чем определяется развитие общественной среды. И вот здесь материалисты XVIII века изменяли своим взглядам: среда со всеми своими свойствами оказывалась плодом мнений,— таков был их ответ. А это было уже идеализмом.

Человек со всеми своими мнениями есть плод общественной среды;

[1] Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 45.

среда же со всеми своими свойствами есть плод мнений. Вот порочный круг, из которого материалисты XVIII века не могли выйти.

Противоречия, в которых путались философы XVIII века, в итоге были почти полностью восприняты французскими историками времен реставрации — Тьерри, Гизо, Минье. Плеханов показывает, что они не могли, так же как и материалисты XVIII века, установить действительных причин исторического развития.

Опыт французской и английской революций XVIII века, который был уже перед глазами французских историков и который послужил наглядным опровержением мысли о всемогуществе мнений, толкнул историков XIX века в сторону изучения среды, хода ее развития. Но и на среду стали смотреть во время реставрации с новой точки зрения. Если раньше старались объяснить состояние общества политическими учреждениями общества, то, например, Гизо находил, что «благоразумнее начинать с изучения самого общества для того, чтобы узнать и понять его политические учреждения» (16).

Таким образом, общество, его состав, образ жизни отдельных лиц в зависимости от их социального положения — словом гражданский быт,— вот что, по мнению историков XIX века, необходимо изучить в первую очередь, чтобы знать историю развития народов. Подобные требования были выше взглядов материалистов XVIII века. Особенно, если иметь в виду тот факт, что историки рассматривали политические события как результат классовой борьбы. Так думал не только Гизо, но и Тьерри и Минье.

Выдвинуть на первый план изучение гражданского быта людей, их имущественных отношений, признать наличие классов и классовой борьбы — значит сказать новое слово в науке. Это слово сказали французские историки времен реставрации.

Тем не менее, как правильно указывал Плеханов, они не разрешили коренного противоречия в общественных взглядах философов XVIII века. И прежде всего потому, что они не смогли объяснить «происхождение того гражданского быта, тех имущественных отношений, внимательное изучение которых одно только и могло, по их мнению, дать ключ к пониманию исторических событий» (18).

Как философы XVIII века, так и историки времен реставрации не могли научно решить вопрос о причинах и законах общественного развития, не могли даже правильно поставить этот вопрос. Не могли его решить и социалисты-утописты (Сен-Симон, Фурье, Роберт Оуэн). Они выступили на историческую арену в качестве блестящих критиков буржуазного общества, высказали ряд гениальных догадок относительно будущего коммунистического общества. Однако им не было дано ни открыть законы общественного развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества.

Социалисты-утописты разделяли общественные взгляды французских материалистов. «Точно так же,— писал Плеханов,— как материалисты, они считают человека плодом окружающей его общественной среды и точно так же, как материалисты, они попадают в заколдованный круг, объясняя изменчивые свойства среды неизменными свойствами человеческой природы» (24). Вслед за своими предшественниками утописты ломали головы над тем, что представляет собой человек по своей природе, собственник ли он или коллективист, присуще ли человеку добро или зло.

Как совершенно верно замечает Плеханов, социалисты-утописты сделали попытку вырваться из тесных пределов отвлеченных понятий и опереться на конкретную почву. Интереснее других в этом отношении попытки Сен-Симона. В отличие от французских материалистов Сен-Симон стал искать в истории закономерность развития. По его мнению,

наука о человеческом обществе должна стать столь же строгой наукой, как и естествознание. Изучая историю общества, Сен-Симон не довольствовался указанием на имущественные отношения, как на основу общественного строя; он поставил себе еще такой вопрос: почему именно эти, а не другие отношения играют столь важную роль. Ответ, по его мнению, нужно искать в нуждах промышленного производства, ибо производство есть цель всякого общественного союза.

Так поставив вопрос, Сен-Симон, однако, не сделал всех необходимых выводов из этих своих положений. В конце концов развитие производства, по его мнению, оказывалось результатом умственного развития человечества. Развитие идей, среди которых главная роль отводилась «научным идеям», является основным фактором исторического развития,— таково последнее идеалистическое слово Сен-Симона. И когда он попытался найти закономерность, то нашел ее не в развитии производства, а в развитии знаний; и, таким образом, опять получился заколдованный круг: история человечества объясняется его природой. Но откуда узнаем мы природу человека? Из истории.

Плеханов очень тонко и глубоко показывает, что так называемый закон трех фазисов в развитии знаний, развивавшийся Сен-Симоном и подхваченный позже идеалистами-позитивистами, носит мистический характер, превращается в какой-то фатум, рок, т. е. человечество подчиняется закону собственного умственного развития, хочет оно того или нет. Закон развития является как бы провидением. «Это — исторический фатализм,— замечает Плеханов,— являющийся в результате учения, которое считало успехи знания,— следовательно, сознательную деятельность человека — основной пружиной исторического движения» (29).

Это в высшей степени ценное и глубокое в теоретическом отношении замечание с головой разоблачает субъективно-идеалистические бредни народников. Воюя с фатализмом, клеветнически приписываемым марксистскому учению о закономерности общественного развития, народники в действительности сами были типичнейшими фаталистами. «Фатализм в истории,— справедливо говорит Плеханов,— нисколько не мешает утопическому отношению к действительности на практике. Напротив, он содействует ему, обрывая нить научного исследования. Фатализм, вообще, нередко идет рука об руку с самым крайним субъективизмом. Фатализм сплошь и рядом объявляет неотвратимым законом истории свое собственное настроение» (29).

Народники, являясь самыми крайними субъективистами, окрашивая настроения, идеалы так называемой «критически мыслящей личности» в цвет неотвратимой необходимости, оказывались, таким образом ярыми фаталистами. Выступая с защитой «критически мыслящей личности» против закономерного процесса развития общества, народники в сущности воспроизводили,— но, разумеется, в гораздо более вульгаризированном и опошленном виде,— те взгляды на ход общественного развития, какие развивались социалистами-утопистами. Нужно только при этом заметить, что между великими социалистами-утопистами и народниками лежит такая же пропасть, как между действительными мыслителями и жалкими эпигонами, между критиками капитализма и фактическими пособниками капитализма.

Вершиной идеалистической философии, восторжествовавшей в условиях Германии, была философия Гегеля. Он противопоставил метафизическому образу мышления диалектику,— принцип всякой жизни,— согласно которой все явления необходимо рассматривать в развитии, с точки зрения их возникновения, развития и гибели. Всякое движение представляет собой диалектический

процесс, живое противоречие; диалектика есть душа научного познания.

Диалектический метод мышления Гегеля явился огромным шагом вперед в развитии человеческой мысли. Плеханов был прав, когда указывал, что диалектическое мышление исключает всякие утопии, в том числе и бредни народников-субъективистов о «самобытности» России, о «критически мыслящих личностях»; оно ближе к живой, реальной жизни, ибо само диалектическое мышление является лишь отражением диалектически развивающейся действительности. Но так учит только материалистическая диалектика. Гегель же был творцом идеалистической диалектики.

Несмотря на то, что диалектика Гегеля опрокидывала взгляды французских материалистов и социалистов-утопистов на роль «совершенного законодательства», на неизменную «природу человека», на то, что «мнения правят миром», несмотря, далее, на то, что эта диалектика заменяла взгляд на историю как на непрерывную цепь случайностей учением о закономерном процессе исторического развития, несмотря, наконец, на то, что Гегелю удавалось иногда высказывать ряд гениальных материалистических положений, он все же не в состоянии был открыть законы общественного развития, понять их природу. Другим путем, другими средствами он также возвращался к одной из сторон «человеческой природы», абсолютизировал разум человека, представлял исторический процесс как отражение логического процесса. Понимая, что ключ к объяснению исторического развития человечества нужно искать вне природы человека,— а одно это было уже большой заслугой перед наукой,— Гегель, однако, не мог указать, где же именно можно найти этот ключ. Вернее, он указал, что его нужно искать в свойствах духа, в логических законах развития так называемой абсолютной идеи. Но такое решение вопроса окольным путем возвращало Гегеля к точке зрения человеческой природы, т. е. лишь на время отброшенная точка зрения человеческой природы вновь воскресала, как только Гегелю надлежало разрешать вопрос, где же нужно искать ключ для объяснения исторического развития. Некая, никому неизвестная абсолютная идея, как олицетворение нашего логического процесса мышления, является, по Гегелю, творцом истории,— следовательно, в логических законах развития идеи нужно искать ответ на интересующий нас вопрос. Это было идеалистическое решение вопроса.

Каковы же итоги развития науки об обществе в домарксовский период? К чему пришла теоретическая мысль в поисках причин и законов исторического развития?

Усилия домарксовской общественно-исторической науки разрешить вопросы, «мучившие мыслящие головы в течение целого века», не привели к созданию научной теории развития общества. И не могли привести.

Домарксовская социология оказалась бессильной покинуть убогие и абстрактные рассуждения о «неизменной природе человека». А пока ученые апеллировали к человеческой природе, как к верховной инстанции, они неизбежно закрывали себе путь к научной теории общественного развития. Наука об обществе не получила прочной и твердой основы. Идеализм не мог дать ее.

«Несостоятельность идеалистической точки зрения в деле объяснения явлений природы и общественного развития должна была заставить и действительно заставила мыслящих людей (т. е. не эклектиков, не дуалистов) вернуться к материалистическому взгляду на мир. Но новый материализм не мог уже быть простым повторением учений французских материалистов конца XVIII века. Материализм воскрес,

обогащенный всеми приобретениями идеализма. Важнейшим из этих приобретений был диалектический метод, рассмотрение явлений в их развитии, в их возникновении и уничтожении. Гениальным представителем этого нового направления был Карл Маркс» (77).

Начиная с Маркса, наука об обществе приобрела твердую и прочную основу. Идеализм был изгнан из его последнего пристанища — истории. Плеханов ясно показывает все величие материалистического понимания истории, столь верно и полно раскрывающего законы развития человеческого общества, столь глубоко и правдиво объяснившего прошлое, давшего возможность научно предвидеть перспективы развития этого общества.

Материалистическое понимание истории — это вершина человеческой мысли. С того момента, как Маркс и Энгельс создали исторический материализм, передовое человечество и прежде всего рабочий класс получили жизненно верный метод научного мышления, руководящую нить, позволяющую раскрывать закономерность общественного развития. «Хаос и произвол,— писал Ленин,— царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм» [1].

Маркс и Энгельс открыли действительные пружины исторического развития. «По своей великой важности для науки,— справедливо замечает Плеханов,— это открытие может быть смело поставлено наряду с открытием Коперника и вообще наряду с величайшими, плодотворнейшими научными открытиями» (103).

В отличие от идеалистического понимания истории Маркс гениально доказал, что последнюю причину общественных отношений нужно искать не в природе человека и не в развитии знаний, а в развитии производительных сил. Развитием производительных сил общества в конечном счете следует объяснять все те надстройки, которые возвышаются над экономической структурой общества. Только там, где историческое развитие объясняется не природой человека, а сама человеческая природа объясняется историческим развитием, как учит исторический материализм,— только там открывается возможность научно объяснить весь ход истории, как естественно необходимый, закономерный процесс, внутренней основой которого, если говорить о классовом обществе, является борьба классов.

Как верно пишет Плеханов, Маркс «на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит вне человека» (82). Для того чтобы человек мог существовать, он должен посредством орудий труда активно воздействовать на внешнюю природу, извлекать из нее необходимые вещества для своего существования. Но, «действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу». Процесс производительного воздействия человека на природу, роль отдельных элементов производительных сил — орудий труда, внешних природных условий, рабочей силы, как главного фактора в развитии производительных сил,— все эти вопросы Плеханов исследует на примерах истории, показывая в подробностях, каким образом ход и развитие вещей определяет ход и развитие идей.

Материальная производительная деятельность людей, развитие материальных производительных сил составляет основу общества, является условием исторического развития. В процессе производства люди всту-

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 350.

пают друг с другом в определенные отношения — производственные отношения. В зависимости от изменения характера производительных сил общества изменяются и общественные отношения производителей друг к другу, изменяются отношения их совместной деятельности, их участие в общественном развитии. Так, с изобретением нового военного оружия, огнестрельного оружия, соответствующим образом изменилась внутренняя организация армии, изменились те отношения, в которых находятся отдельные единицы армии. Плеханов приводит следующие слова Маркса: «Отношения производства в их совокупности образуют то, что называется общественными отношениями, обществом, и притом обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития,— обществом с определенным характером» (84).

С точки зрения этих теоретических положений марксизма Плеханов рассматривает развитие идеологии, а также отдельные этапы развития человечества, убедительно и ясно разъясняя, что только опираясь на эти положения можно дать научную картину общественного развития. Если взять, например, происхождение рабства, то с точки зрения субъективно-идеалистических теорий его нужно объяснять изменением воззрения людей, которые будто бы раньше осуждали рабство, а впоследствии стали признавать его. Подобным антинаучным взглядам Плеханов противопоставляет материалистическое объяснение происхождения рабства. Он показывает, что в Греции рабство установилось не благодаря каким-то «промахам разума». «Но почему же возникло и развилось у греков рабство?,— спрашивает Плеханов.— Вероятно, по той же самой причине, по какой возникало и развивалось оно и в других странах на известной стадии их общественного развития. А эта причина известна: она заключается в состоянии производительных сил... Именно через эту дверь и входит рабство в историю» (88).

Возьмем правовые понятия человека. На почве данного состояния производительных сил слагаются известные отношения производства, которые получают свое идеальное выражение в правовых понятиях людей. Правовые понятия людей, таким образом, представляют собой лишь отражение в головах людей тех отношений, которые существуют независимо от человека. Плеханов иллюстрирует это положение следующим примером, взятым им из истории развития первобытного общества. Та форма общественной собственности, которая установилась в первобытном обществе, была необходима для процесса первобытного производства, ибо она поддерживала существование этого общества, содействовала его дальнейшему развитию. Но вот производительные силы развились настолько, что открылось более широкое поле для приложения индивидуальных усилий. «Теперь,— продолжает Плеханов,— общественная собственность становится в некоторых случаях *вредной* для общества, она препятствует дальнейшему развитию его производительных сил и потому она уступает место *личному присвоению*: в правовых учреждениях общества совершается более или менее быстрый переворот. Этот переворот необходимо сопровождается переворотом в правовых понятиях людей: люди, которые прежде думали, что хороша только общественная собственность, стали думать теперь, что в некоторых случаях лучше единичное присвоение... *вследствие развития производительных сил должны были измениться фактические отношения людей в процессе производства, и эти новые фактические отношения выразились в новых правовых понятиях*» (105).

Вместе с другими врагами рабоче-

го класса народники опошляли марксизм, приписывали ему вздорные взгляды, чтобы, так сказать, легче было опровергнуть его. На том основании, что марксизм будто бы сводит все к экономике, народники пытались обвинить его в отрицании какой бы то ни было роли разума, идей в общественной жизни. Плеханов не оставляет камня на камне от этой клеветы. Материалистическое понимание истории действительно не имеет ничего общего с субъективно-идеалистической болтовней народников об особой, всеспасающей роли разума «критически мыслящей личности», по своему произволу создающей вымышленные конструкции исторического развития. Но материалистическое «учение,— замечает Плеханов,— вовсе не упускает из виду роли разума; оно только старается объяснить, почему разум в каждое данное время действовал так, а не иначе; оно не пренебрегает успехами разума, а только старается найти для них достаточную причину» (88—89).

Те же самые народники, которые обнаружили не только свое невежество, но и злую волю, обвиняя марксизм в отрицании роли идей, теорий в общественной жизни, попытались также приписать марксизму отрицание значения политики в развитии общества. Ссылаясь на известное положение Маркса, что «правовые и политические учреждения складываются на почве фактических отношений людей в общественном процессе производства», Плеханов спрашивает: вытекает ли из этого отрицание значения политических отношений в развитии экономики общества? Нисколько. «Политические учреждения влияют на хозяйственную жизнь. Они или содействуют развитию этой жизни, или препятствуют ему» (107—108).

В дальнейшем Плеханов показывает, в каких случаях политика тормозит развитие общества, в каких она содействует его развитию. Это марксистское положение Плеханова особенно ярко подтверждается в условиях борьбы двух систем — социализма и капитализма. Если буржуазное государство и политика тормозят дальнейшее развитие производительных сил общества, становятся препятствием на пути прогресса, то диктатура рабочего класса, политика партии большевиков содействуют гигантскому развитию производительных сил социализма.

Представляют большой интерес и те страницы в книге Плеханова, где показывается возникновение и развитие общественных форм сознания — науки, искусства, философии,— словом, всех видов идеологии, являющейся в конечном счете продуктом определенных экономических отношений. Враги марксизма и здесь с особым «усердием» пытались навязать марксизму взгляды, согласно которым значение нравственных, философских, эстетических и других идей в общественной жизни сводилось к нулю. Плеханов разоблачает подобное «неестественное празднословие». Он блестяще раскрывает подлинные взгляды марксизма. «По новой теории,— пишет Плеханов,— историческое движение человечества определяется развитием производительных сил, ведущих к изменениям экономических отношений. Поэтому дело всякого исторического исследования приходится начинать с изучения состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. Но на этом, разумеется, исследование не должно останавливаться: оно должно показать, как сухой остов экономии покрывается живой плотью социально-политических форм, а затем — и это самая интересная, самая увлекательная сторона задачи,— человеческих идей, чувств, стремлений и идеалов» (136).

Если материалистическое понимание истории объясняет возникновение форм идеологии из развития экономического базиса, то отсюда вовсе не вытекает отрицание роли общественного сознания в обществен-

ной жизни. Наоборот, только марксизму впервые удалось не только открыть причины возникновения идеологии, но и показать их огромное значение в историческом развитии. Общественное сознание, возникая на основе развития общественного бытия, оказывает на последнее обратное влияние. Особенно повышается роль общественного сознания в условиях социалистического общества, где господствующее место занимает плановая система хозяйства, где нет частной собственности на средства производства и где нет эксплоатации человека человеком.

Шаг за шагом Плеханов разоблачает антинаучный вздор, возводимый субъективистами-народниками на марксизм, блестяще и ярко излагает неисчерпаемое богатство содержания марксистского понимания истории и на примерах, взятых из истории развития человечества, показывает, какое значение имеет для науки открытый Марксом метод материалистического мышления. Пользуясь этим методом, Маркс и Энгельс разрешили все вопросы, волновавшие передовое человечество в течение тысячелетий.

Второй философской работой Плеханова является статья «О материалистическом понимании истории» (1897), сыгравшая большую роль в борьбе против субъективной социологии народников и в распространении и пропаганде марксизма в России.

Внешним поводом, побудившим Плеханова еще раз вернуться к вопросу о материалистическом понимании, явился выход в свет книги итальянского профессора Антонио Лабриола. В отличие от своих соотечественников, не только не понимавших марксизм, но и в меру сил своих искажавших его, Лабриола «твердо и довольно последовательно держится материалистического понимания истории»[1].

В век, когда так редки книги не пустые, говорит Плеханов, сочинение Лабриолы не могло не заинтересовать марксистов, тем более, что ему удалось, при наличии некоторых ошибочных положений, в целом правильно осветить суть научно-исторической основы марксизма. Плеханов намеревался изложить основное содержание работы Лабриолы. Однако уже первые страницы плехановской работы показывают, что задача, поставленная Плехановым, переросла первоначальные рамки; он сумел сочинение Лабриолы поставить на службу делу борьбы против научно убогих «концепций» русских субъективистов-философов, против их клеветнических утверждений.

Так как народники обладали поразительным качеством проявлять свое невежество во всем, то они не заставили себя долго ждать и, наверное, зачислили сочинение Лабриолы по ведомству «Экономического материализма». «Спросите любого народника или субъективиста,— пишет Плеханов,— что такое экономический материалист? Он ответит: это человек, приписывающий экономическому фактору господствующее значение в общественной жизни. Так понимают экономический материализм наши народники и субъективисты» (7).

Целая орава буржуазных писак и вкупе с ними субъективисты-народники на все лады склоняли свою излюбленную «мысль», что материалистическое понимание истории и «экономический материализм» будто бы одно и то же. Подобная карикатура на марксизм была очень модной. На эту клевету Плеханов дал общий, но блестящий ответ уже в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». И если он вновь возвращается к ней, то объяснялось это просто тем, что разносчики дешевеньких софизмов и пошловатой критики не унимались и

[1] Г. В. Плеханов, О материалистическом понимании истории, стр. 7. Госполитиздат, 1938 г. В дальнейшем ссылки даются в тексте.

упорно продолжали твердить однажды заученную клевету, прибегая ко всем новым доводам, якобы опровергающим марксизм. Михайловский, Кареев, Кудрин и другие всячески изощрялись в выдумке «аргументов», чтобы показать «узость» и «однобокость» марксизма.

Плеханову не стоило большого труда еще раз уличить российских любомудров — народников, считавшихся ординарными и экстраординарными звонарями науки, в вопиющем невежестве, в сознательном извращении взглядов Маркса и Энгельса.

Делает это Плеханов остроумно и талантливо. Он обстоятельно выясняет социальную и гносеологическую почву, которая питает антинаучные «теории факторов» и «экономический материализм», показывает их научную несостоятельность.

Когда народники-субъективисты «открыли», что материалистическое понимание истории исходит из признания развития производительных сил общества, как основы для объяснения истории развития человечества, они не замедлили провозгласить эти взгляды «экономическим материализмом» и, таким образом, причислили их к взглядам Луи Блана и буржуазного социолога Роджерса, т. е. тех, кто действительно стоял на позициях признания экономического «фактора» господствующим в истории.

Каким образом рассуждали Луи Блан и Роджерс? Несмотря на то, что в их взглядах имеются различия, для того и другого «экономический фактор, господствующий в общественной жизни, сам был, как выражается математика, функцией человеческой природы, а главным образом, человеческого ума и знаний» (8).

Таким образом, по их мнению, экономический «фактор» является господствующим в истории, но этот фактор, т. е. экономика общества, в свою очередь является плодом человеческих знаний и понятий. «Такие взгляды,— говорит Плеханов,— нельзя назвать иначе, как идеалистическими. Выходит, что экономический материализм еще не исключает исторического идеализма», а если сказать еще точнее, то «до сих пор чаще всего бывал простою его разновидностью» (8—9).

Вот почему злейшей клеветой на марксизм являлось утверждение народников, будто бы исторический материализм Маркса и есть «экономический материализм». На самом деле между ними существует такая же разница, какая существует между идеализмом и материализмом. Материалистическое понимание истории принципиально враждебно «экономическому материализму» и «теории факторов», оно никогда не имело и не имеет с ними ничего общего. Если и можно говорить об их соприкосновении, то только в том смысле, что представители марксизма всегда резко боролись в частности с теми, кто, будучи на деле субъективными идеалистами, на словах кокетничали и заигрывали с «экономическим материализмом».

Подлинные и последовательные марксисты никогда не утверждали, что «экономический момент является единственным определяющим моментом» (Энгельс) в историческом развитии. «Взгляд Маркса,— писал Плеханов,— относительно причинной зависимости юридической «надстройки» от экономической структуры общества не раз подавал повод к недоразумениям. Его истолковывали в том смысле, что Маркс не придает этой надстройке никакого значения. Иные говорили, что Маркс вообще не признает ничего, кроме «экономики». Но это, разумеется, величайший вздор» [1].

Плехановское разъяснение действительных взглядов марксизма по этому вопросу вызвало буквально пере-

[1] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник IV, стр. 11. Соцэкгиз, 1937 г.

полох в лагере субъективистов-народников. Как,— говорили они,— неужели марксисты отвергают мысль о преобладании экономического фактора? Неужели рядом с этим фактором действуют и другие? Но если это так, то нельзя не порадоваться за подлинных и последовательных материалистов. На деле же оказалось, что радовались-то народники-субъективисты не чему другому, как только своему поразительному убожеству.

Во-первых, как правильно разъяснял Плеханов, марксизм никогда не сводил многообразие общественной жизни к голому экономическому фактору, во-вторых, самый вопрос о том, какой фактор господствует в общественной жизни, является неосновательным вопросом. Самую постановку такого вопроса отвергал уже идеалист Гегель.

Что из себя представляют социально-исторические факторы, откуда возникает представление о них? Почему «теория факторов» является антинаучной теорией? Чтобы доступно и вместе с тем научно ответить на эти вопросы, Плеханов обращается к примеру из истории развития Рима. На его общественной арене завязалась борьба братьев Гракхов, стремившихся остановить гибельный для Рима процесс захвата общественных земель богачами, которые видели в захвате этих земель свою цель. Описывая эту борьбу, мы столкнемся со множеством «факторов»: здесь и борьба человеческих страстей, и материальный интерес, и право, и т. д. При желании можно найти еще несколько подобных «факторов». Какой же из них является господствующим? Или «каждый «фактор» пользуется золотым правилом: живи и жить давай другим» (10).

Пока дело идет о том, чтобы как можно полнее перечислить и описать эти «факторы», вопроса о том, какой из них является главным, не возникает. Но как только появилась необходимость объяснить, какая же между «факторами» существует внутренняя связь, одной только чисто внешней связи между ними оказывается недостаточно. Теперь уже нужно от простого созерцания и описания переходить к исследованию внутренних связей, существующих между ними. А так как попытки установить эту связь первоначально носят примитивно-научный характер, то на сцену появляются различные «факторы». Здесь-то и возникают разновидности «теории факторов»: признают господствующим то «идеальный фактор», то «фактор страстей», то «материальный фактор», то, наконец, господствующими являются все факторы вместе.

По правильному замечанию Плеханова, «теория факторов растет, кроме того, вместе с ростом разделения труда в общественной науке» (11). Такие общественные науки, как этика, право, политика, политическая экономия, изучая один объект,— деятельность общественного человека,— рассматривают, однако, эту деятельность с разных точек зрения. И поэтому очень часто общественная наука свою точку зрения выдает за решающий «фактор» исторического развития.

Итак, что же из себя представляют исторические факторы и как возникает представление о них? «Социально-исторический фактор есть а б с т р а к ц и я,— заключает Плеханов,— представление о нем возникает путем о т в л е ч е н и я (абстрагирования). Благодаря процессу абстрагирования, различные с т о р о н ы общественного ц е л о г о принимают вид обособленных к а т е г о р и й, а различные проявления и выражения деятельности общественного человека — мораль, право, экономические формы и проч.— превращаются в нашем уме в особые силы, будто бы вызывающие и обусловливающие эту деятельность, являющиеся ее последними причинами» (11).

Плеханов показывает, что такого рода «теории» не помогают, а лишь

запутывают исследование общественной жизни, мешают развитию науки. «Теория факторов» уже по одному тому является антинаучной, что она расчленяет деятельность общественного человека и превращает отдельные стороны деятельности человека в особые силы, будто бы определяющие собою историческое движение общества. Такие теоретические взгляды, если их применить к революционному движению, могли принести ему непоправимый вред, ибо они раскалывали единство рабочего класса и тем самым ослабляли его революционную энергию в борьбе с капитализмом.

Материалистическое понимание истории враждебно «теории факторов». Оно глубоко монистично как по своему содержанию, так и по своей форме. В основе исторического движения лежит развитие материальных производительных сил, развитие экономических отношений.

Только там, где экономические отношения людей выступают не в качестве функции человеческой природы и не в качестве особого «фактора», находящегося в простом взаимодействии с другими сторонами общественной жизни, а являются основной почвой, на которой вырастает весь общественный организм,— только там возможен последовательно научный взгляд на ход исторического развития. С этой точки зрения история человеческого развития перестает казаться грудой различных «факторов» и простым нагромождением равнодействующих особых сил, какой эта история неизбежно выступает, если ее рассматривать с точки зрения «теории факторов».

Против опошления и вульгаризации марксистского понимания истории боролись сами творцы исторического материализма. В письме к Блоху в 1890 году Энгельс писал:

«Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. д.; правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм... К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, а это далеко не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов», и благодаря этому иногда возникала удивительная путаница»[1].

С точки зрения этих положений Энгельса Плеханов рассматривает вопросы развития идеологии, ее различные формы, связи и зависимость идеологии от экономической структуры общества. Чтобы понять, например, историю научной мысли или историю искусства, недостаточно одного указания на зависимость всех сторон общественной жизни от экономики общества; надо еще уметь перейти от анализа экономических отношений к общественному сознанию, надстройкам. Насколько это задача трудная, настолько же почетная и необходимая. «Историческая на-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 374—377. Партиздат, 1932 г.

ука,— говорит Плеханов,— не может ограничиться одной анатомией общества; она имеет в виду всю совокупность явлений, прямо или косвенно обусловленных общественной экономией, до работы воображения включительно» (18).

Таким образом, исследование всей совокупности явлений общественной жизни, всестороннее изучение этих явлений может быть достигнуто только при условии последовательного материалистического объяснения истории. Раз возникнув на почве общественного бытия, формы общественного сознания, различные виды идеологии приобретают относительную самостоятельность в своем развитии. На развитие идеологий оказывает влияние предшествующий научный материал. Это не значит, что наука, философия, искусство и т. д. развиваются совершенно независимо от развития экономической структуры общества.

Плеханов очень хорошо разъясняет, что пока не раскрыта зависимость хода идей от хода вещей, вся история мировой культуры не может быть объяснена рационально и строго научно. Только «возникновением, изменением и разрушением ассоциаций идей под влиянием возникновения, изменения и разрушения известных комбинаций общественных сил в значительной степени объясняется история идеологий» (33).

Это положение Плеханова, целиком вытекающее из учения Маркса и Энгельса, и в настоящее время может сыграть чрезвычайно большую роль в борьбе против антинаучных, реакционных «теорий», согласно которым ход идей определяет ход вещей. В частности страницы, написанные Плехановым против «теорий», объяснявших развитие идеологий особенностями расы, географической средой и даже темпераментом того или иного народа, могут быть с успехом использованы в борьбе против современных откровенно лживых и человеконенавистнических завываний фашистских каннибалов. Пора отбросить, говорит Плеханов, «дурную привычку свалить на расу все то, что кажется нам непонятным в духовной истории данного народа» (23).

Попытки объяснить развитие идеологии особенностями расы лженаучны, ибо при ссылке на расовые свойства исследование прекращается там, где оно должно было начаться. «Переходя к историческим народам,— говорит Плеханов,— укажем прежде всего на то, что в применении к ним слово раса вообще не может и не должно быть употреблено. Мы не знаем ни одного исторического народа, который можно было бы назвать народом чистой расы; каждый из них является плодом чрезвычайно продолжительного и сильного взаимного скрещивания и смешения различных этнических элементов» (21). Если мы знаем искусство каменного века, искусство железного века, то нам, по выражению Плеханова, совершенно неизвестно искусство различных рас: белой, желтой и т. д.

Плеханов во многих своих позднейших работах развивал, как известно, неправильную точку зрения на значение естественной или географической среды, а именно: отстаивал тот взгляд, что будто бы географическая среда имеет решающее значение в развитии общества. Но в статье «О материалистическом понимании истории» Плеханов правильно разъяснил, что материалистическое понимание истории не сводит на-нет роль естественной среды в общественном развитии, но оно и не отводит этой среде решающего значения в историческом развитии. Когда Плеханов стоял на этой последней точке зрения, он приводил следующий пример, убедительно опровергающий его же позднейшие

взгляды. «Современных итальянцев,— писал Плеханов,— окружает та же естественная среда, в которой жили древние римляне, а между тем, как мало похож «темперамент» современных нам данников Менелика на темперамент суровых победителей Карфагена!» (21). Таким образом, коль скоро естественная среда развивается гораздо медленнее, чем производительные силы общества, то и ссылка на естественную среду, как на решающий фактор в развитии общества, не способствует, а тормозит научное объяснение исторического развития.

В борьбе с субъективно-идеалистическими взглядами народников родилась и третья работа Плеханова — «К вопросу о роли личности в истории» (1898), которая содержит блестящее изложение исторического материализма в целом и особенно взглядов Маркса и Энгельса по вопросу о естественно-историческом, закономерном развитии общества и роли личности в общественном развитии.

К моменту, когда Плеханов выступил со своей работой, марксизму противопоставлялись теории, представители которых склонны были видеть в деятельности великих людей главную и почти единственную пружину исторического развития. Это не могло не вести к отрицанию закономерности общественного развития. История, с этой точки зрения, была просто игрушкой в руках выдающихся людей. С другой стороны, имели хождение теории, согласно которым историческое развитие предопределялось каким-то неведомым «роком». Это в свою очередь не могло не вести к отрицанию какой бы то ни было роли личности в истории.

Против подобных крайне уродливых и антинаучных взглядов и выступил Плеханов, хорошо понимая, что, будь эти взгляды применены к революционному движению рабочего класса, они неизбежно привели бы к отказу от массовой политической борьбы, к обезглавлению и разоружению рабочего движения, обрекая рабочий класс на пассивность и бездеятельность.

Чтобы разбить и обезвредить обе эти антинаучные точки зрения, нужно было вооружить рабочий класс марксистским пониманием законов общественного развития, дать ему в руки сильнейшее оружие для борьбы с народниками — злейшими врагами марксизма, а также с «легальными марксистами» типа буржуазного объективиста Струве.

Согласно материалистическому пониманию истории общественное развитие есть строго закономерный, необходимый процесс, а не продукт капризной и произвольной деятельности отдельной личности. Но, рассматривая общественное развитие как естественно необходимый процесс, марксизм отнюдь не сбрасывает со счетов деятельность выдающихся личностей и не противопоставляет личность законам развития общества.

Враги рабочего класса извращали и эти взгляды марксизма. «У нас думают иногда,— писал Плеханов,— что теория Маркса не оставляет места для «роли личности в истории». У нас вообще склонны думать, что законы исторического развития человечества не согласимы с понятием о свободе личности. Это также очень большой вздор»[1]. Злейшие враги марксизма — народники — пытались навязать марксизму антинаучный, реакционный взгляд, согласно которому значение выдающейся личности сводилось к нулю, а сама история превращалась в нечто фатальное, безликое. При этом народники самих себя хотели представить людьми, которые якобы впервые разрешили вопрос о роли личности в истории.

На самом же деле субъективисты-

[1] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник IV, стр. 12. Соцэкгиз, 1937 г.

народники никогда не умели не только решить, но даже и правильно поставить вопрос о роли личности в истории. Противопоставляя деятельность так называемой «критически мыслящей личности» законам общественно-исторического движения, народники фактически возрождали «теорию факторов» и присущий этой теории дуализм. Одним фактором является личность, другим — законы; такова «мудрость» народников, за которой начинается «комическое царство вполне уже очевидного абсурда» [1].

Субъективисты-народники не знали и не понимали законов общественного развития. Они думали, что историю делают не классы и не борьба классов, а личности: история сводилась ими к деятельности «критически мыслящей личности», историческое развитие зависело от того, что думает эта личность. Из так называемой теории «героев» и «толпы» непосредственно вытекала народническая, а впоследствии эсеровская тактика террористической борьбы, враждебная делу рабочего класса.

Плеханов высмеял и разбил реакционные, антинаучные взгляды народников, согласно которым первостепенная роль в общественном развитии принадлежит «героям». Воображая себя творцом истории, «критически мыслящая личность» причисляет себя и себе подобных к высшей разновидности человеческого рода. Все остальное образует «толпу», лишенную критической мысли, массу,— глину, из которой «критически мыслящая единица» может лепить все, что ей вздумается.

Ничего «оригинального» в этих антинародных теориях не было. Они являются перепевом уже давно и изрядно потрепанных идеалистических взглядов, против которых в свое время беспощадно боролись Маркс и Энгельс.

Если вредна и теоретически несостоятельна субъективно-идеалистическая крайность, то не менее убога и антинаучна другая крайность, представители которой, желая «как можно лучше оттенить законосообразный характер этого движения (исторического движения человечества.— Л. И.), повидимому, готовы были забыть, что история делается людьми и что поэтому деятельность личностей не может не иметь в ней значения» (15).

В теории эта вторая крайность означает безысходный фатализм, т. е. законы развития истории выступают в виде провидения, какого-то неизбежного «рока». По этой ложной теории человек так же мало может вмешиваться в ход развития истории, как мало может он перестать быть человеком. Отдельная личность не больше как пена на поверхности волны, величие — лишь случай, власть гения — лишь кукольная комедия; смешно бороться против железных законов, которые в лучшем случае можно узнать, но которые невозможно изменить.

В этом суть исторического фатализма — теории насквозь идеалистической и антинаучной. Из этой теории делался вредный политический вывод: раз невозможно будто бы противостоять железным законам истории, или, как говорил буржуазный объективист Струве, «непреодолимым историческим тенденциям», то нужно, мол, отказаться от политической борьбы, от организации рабочего класса. Отсюда видно, какой огромный вред рабочему классу могли принести подобные взгляды, если бы против них не боролись представители материалистического понимания истории.

Плеханов умело и обстоятельно показывает, что марксизм принципиально враждебен обеим крайностям: как той, по которой история делается кукольными героями, так и той, по которой личность — лишь пена на

---

[1] Г. В. Плеханов, К вопросу о роли личности в истории, стр. 6. В дальнейшем ссылки на эту книгу даются в тексте.

поверхности волны. Оба эти взгляда являются идеалистическими.

Лишь с точки зрения материалистического понимания истории можно со всей полнотой и исчерпывающей научной точностью выяснить естественно-необходимый, закономерный процесс развития истории и показать, какова роль выдающейся личности в общественном движении.

Марксизм никогда не отрицал роли личности в истории и не превращал законы развития общества в нечто фатальное. «Законы общественного развития,— замечает Плеханов,— так же мало могут действовать помимо личности, как законы природы помимо материи»[1]. Выдающаяся личность при известных условиях может явиться великой общественной силой, люди сами творят свою историю,— таковы положения марксизма.

Признание того, что личность, благодаря тем или иным историческим условиям, а также тем или иным особенностям своего характера, может играть крупную роль в обществе, оказывать влияние на его развитие, нисколько не противоречит положению марксизма о том, что общество развивается закономерно, как естественно-необходимый процесс, внутренней основой которого является борьба классов. Марксизм не противопоставляет законы развития общества действиям людей: действия последних он объясняет организацией общества, соотношением классовых сил, сложившихся на определенном этапе развития производительных сил общества.

Буржуазные ученые типа Штаммлера силились найти «противоречие» между учением марксизма о закономерности развития и активным действием людей в истории. Если с точки зрения марксизма общество, например капиталистическое, развивается закономерно и, в силу этой закономерности, социализм неизбежно придет на смену капиталистическому обществу, то зачем, мудрствует Штаммлер, создавать политическую партию, организовывать рабочий класс для борьбы за социализм? Это, мол, очень похоже на то, как если бы кто захотел создать партию по содействию наступлению лунного затмения.

Буржуазным критикам марксизма казалось, что этим примером они «опровергают» материалистическое понимание истории.

Плеханов очень хорошо и очень метко ответил Штаммлеру. «В число тех условий, сочетание которых необходимо для лунного затмения, человеческая деятельность никаким образом не входит и входить не может, и уже по одному этому партия для содействия лунному затмению могла бы возникнуть только в сумасшедшем доме. Но если бы человеческая деятельность и входила бы в число названных условий, то в партию лунного затмения не вошел бы никто из тех, которые, очень желая его видеть, в то же время были бы убеждены, что оно непременно совершится и без их содействия» (9).

Из того, что мы уверены в необходимости какого-либо явления, например уверены и убеждены в необходимости и неизбежности гибели капиталистического общества и победы коммунистического общества, еще не вытекает и не может вытекать тот вывод, что этот процесс должен совершиться без активной человеческой деятельности. Наоборот, человеческая деятельность, в данном случае революционная борьба пролетариата, является решающим условием превращения одного общества в другое. Капитализм сам собою не рухнет, его нужно столкнуть вооруженной рукой; следовательно, нужна пролетарская революция, самоотверженная революционная борьба трудящихся масс.

Настоящий творец истории — народ. «На утверждения народников о том, что масса есть толпа, что только

---

[1] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник IV, стр. 12. Соцэкгиз, 1937 г.

герои делают историю и превращают толпу в народ, марксисты отвечали: не герои делают историю, а история делает героев, следовательно,— не герои создают народ, а народ создает героев и двигает вперед историю» [1].

Без деятельности людей нет истории.

Люди, проникшись убеждением в закономерном характере истории и в том, что в их сознании отражается объективно существующая необходимость, не могут не хотеть реализации этой необходимости, они активно борются за нее. По учению марксистов капитализм ходом своего собственного развития придет к гибели. Это историческая необходимость. Марксизм «служит одним из орудий этой необходимости и не может не служить им как по своему общественному положению, так и по своему умственному и нравственному характеру, созданному этим положением. Это тоже сторона необходимости. Но раз его общественное положение выработало у него именно этот, а не другой характер, он не только служит орудием необходимости и не только не может не служить, но и страстно хочет и не может не хотеть служить. Это — сторона свободы и притом свободы, выросшей из необходимости, т. е. вернее сказать,— это свобода, отождествившаяся с необходимостью,— это необходимость, преобразившаяся в свободу» (11—12).

Этим примером Плеханов блестяще разъяснил марксистское учение о свободе как познанной необходимости. Коль скоро осознана необходимость данного явления, и люди (и революционный класс, партия) считают себя одной из сил, вызывающих это явление, их деятельность усиливается, они проникаются горячим желанием реализовать эту необходимость,— таков правильный вывод Плеханова.

Однако при каких же условиях личность может оказать влияние на развитие истории? «Характер личности, — писал Плеханов, — является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (26). То обстоятельство, что некоторые общественные деятели могут оказать влияние гибельное для целой страны, как например, влияние короля Людовика XV, его бездарных генералов и целого сонма их фавориток на судьбы Франции в период «Семилетней войны», нужно объяснять не «шальными атомами», засевшими в их головах. Как самая возможность этого влияния, так и размеры его, в конечном счете, объясняются организацией общества, да и само влияние могло иметь место «лишь приданных общественных условиях» (25).

Общественный человек,— правильно полагал Плеханов,— сам создает свои, т. е. общественные, отношения. И если ему удается создать такие, а не другие отношения, то это объясняется вовсе не тем, что человек действует без причины и по своему усмотрению,— его действие обусловливается состоянием производительных сил общества. Например, Бисмарк даже на вершине своего могущества не смог бы вернуть Германию к натуральному хозяйству. «Никакой великий человек не может навязать обществу такие отношения, которые уже не соответствуют состоянию этих сил или еще не соответствуют ему» (38—39). И в этом смысле человек не может делать историю; он напрасно пытался бы повернуть историю вспять. Как бы ни был талантлив человек, изменить законы развития общества ему не удастся. Он может изменить индивидуальную физиономию событий, ускорить или затормозить их развитие, но он не может изменить их общее направление, их закономерность.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1938 г., стр. 16.

Общество развивается закономерно, оно имеет свою логику развития. И вот выдающаяся личность не может оказать влияния на историю до тех пор, пока ее идеи и пожелания идут вразрез с потребностями передового класса, пока она пытается стать выше тех условий, в которых живет и действует, пытается противопоставить себя этим условиям. Но если этой великой личности известны законы общественного развития, если она глубже других и дальше других видит направление в развитии общества и свою деятельность рассматривает как выражение закономерного развития общества, то такая личность может оказать большое влияние на общественную жизнь и ее развитие.

«Герои, выдающиеся личности могут играть серьезную роль в жизни общества лишь постольку, поскольку они сумеют правильно понять условия развития общества, понять,— как их изменить к лучшему. Герои, выдающиеся личности могут попасть в положение смешных и никому не нужных неудачников, если они не сумеют правильно понять условий развития общества и начнут переть против исторических потребностей общества, возомнив себя «делателями» истории»[1]. В этом суть марксистского понимания вопроса о роли личности в истории.

Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — гении пролетариата, великие личности, олицетворяющие интересы подлинного творца истории — народа. Им не только были известны законы развития общества, они впервые открыли их, указали действительные пружины исторического развития. Великие вожди пролетариата обладают величайшей теоретической мощью, глубоким знанием законов исторического развития; они дальше и глубже других видят направление в развитии общества, вооружают трудящиеся массы знанием законов классовой борьбы. «Гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий — это то самое свойство Ленина, которое помогало ему намечать правильную стратегию и ясную линию поведения на поворотах революционного движения»[1].

«Великий человек велик... тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особенных причин. Карлейль в своем известном сочинении о героях называет великих людей начинателями (Beginners). Это очень удачное название. Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила» (38).

Таков центральный вывод, к которому пришел Плеханов в своей работе «К вопросу о роли личности в истории». В этой работе советская молодежь найдет марксистские положения, которые помогут ей овладеть марксистско-ленинским учением о законах развития общества, о роли великих людей в истории. Эта работа поможет в борьбе с пережитками тех реакционных народническо-эсеровских

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1938 г. стр. 16.

[1] И. Сталин, О Ленине, стр. 47. Партиздат ЦК ВКП(б), 1938 г.

взглядов, против которых в свое время так талантливо боролся Плеханов.

Не ко всему из того, что написал Плеханов, мы должны подходить одинаково; не все его работы равноценны; не одинакова роль самого Плеханова в истории революционного движения. Путь Плеханова зигзагообразен, полон колебаний и шатаний. К Плеханову нужно подходить исторически. Когда Плеханов стал вредить марксистской философии, Ленин в 1908 году указал, что «теперешнего Плеханова ни один русский социал-демократ не должен смешивать со старым Плехановым» [1].

Был период, когда Плеханов с полным правом считался выдающимся пропагандистом марксизма. При наличии отдельных ошибок и отступлений Плеханов в целом стоял на позициях марксизма, и именно поэтому ему удалось написать целый ряд блестящих марксистских работ против народников, ревизионистов.

Вместе с тем Плеханов знал период глубокого падения, и тогда он не только не являлся защитником и популяризатором марксизма, но даже боролся против представителей марксизма, отказывался от того, что с таким успехом защищал в прежние годы. В 1914 году Ленин писал о Плеханове следующее:

«Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников.

Но с 1903 года по вопросам тактики и организации Плеханов колеблется самым смешным образом: 1) 1903, август — большевик; 2) 1903, ноябрь (№ 52 «Искры») — за мир с «оппортунистами»-меньшевиками; 3) 1903, декабрь — меньшевик и ярый; 4) 1905, весна, после победы большевиков,— за «единство» «враждующих братьев»; 5) 1905, с конца до половины 1906 — меньшевик; 6) половина 1906 — начинает иногда отходить от меньшевиков и в Лондоне, 1907, порицает их (признание Череванина) за «организационный анархизм»; 7) 1908 — разрыв с ликвидаторами; 8) 1914 — новый поворот к ликвидаторам. Плеханов проповедует «единство» с ними, не умея двух ясных слов сказать, каковы же условия единства?..

После опыта такого десятилетия мы ручаемся, что Плеханов способен дать брызги, но «течения» здесь нет и не будет» [1].

В последующие годы Плеханов полностью порвал с марксизмом и очутился в период империалистической войны в лагере социал-шовинистов, объявивших эту войну священной. А позже Плеханов презрительно называл «бредом» единственно верный ленинский план победы социализма в России.

Такое колебание и шатание в политике не могло не сказаться в теоретических взглядах Плеханова. Он все больше и больше отдалялся от марксизма, порывал с ним.

В условиях новой эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, Плеханов оказался неспособным, выражаясь его же собственными словами, решить «научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества». Плеханов не вышел за пределы II Интернационала, оставшись лучшим его теоретиком.

Отрыв Плеханова от рабочего класса — вот где причины позднейшего оппортунистического падения Плеханова. До тех пор, пока Плеханов служил рабочему классу, защищал марксистское мировоззрение, он пользовался исключительным авторитетом. Но «как только он стал политически хромать, рабочие его забыли, отошли от него и забыли его» [2]. (Сталин).

Отбросить из литературного наследства Плеханова все чуждое

---

[1] Письма Ленина Горькому, стр. 15. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г.

[1] Ленин, Соч., т. XVII, стр. 415-416.
[2] Ленин и Сталин, том III, стр. 526

марксизму, все то, что идет во вред рабочему классу, и использовать все ценное, все то, что пойдет на пользу рабочему классу,— этому учат Ленин и Сталин.

В курсе Истории ВКП(б) — этом классическом и законченном марксистско-ленинском произведении, дана глубочайшая и исчерпывающая оценка роли Плеханова в русском общественном движении, показано, какое значение имели ранние работы Плеханова в расчистке пути для распространения марксизма и социал-демократического движения в России.

Ленин писал: «...уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»[1]. Ленин предлагал включить выдающиеся произведения Плеханова в «серию обязательных учебников коммунизма», требовал, чтобы наши профессора философии знали изложение «марксистской философии Плехановым».

Плеханов был популяризатором марксизма.

Высший этап в развитии марксизма связан с деятельностью великих вождей рабочего класса Ленина и Сталина. Они обогатили марксистское учение опытом классовой борьбы в новых исторических условиях — в эпоху империализма и пролетарских революций, в эпоху победы социализма в СССР.

«Можно сказать без преувеличения, что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленин, а после Ленина — Сталин и другие ученики Ленина — были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогатили ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата» (История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Заключение).

[1] Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 135.

За единый антифашистский фронт молоде-
жи, IX, 5.

Знаменательная дата, VI, 144.

Информационное сообщение об очередном пленуме ЦК ВКП(б), II, 13.

Два года Сталинской Конституции, XII, 5.

М. И. Калинин, Славный путь комсомола, X, 5; О международном положении, VI, 11.

Любимец народа (С. М. Киров), XII, 11.

Е. Кононенко, Эгоисты, V, 186; Совершеннолетие, XII, 137.

Л. Ильичев, Марксистское наследие Г. В. Плеханова, XI, 109.

Н. Крупская, Ленин о коммунистической морали, III, 27.

Наш Горький, VI, 34.

А. Новиков-Прибой, Истребить смрадную нечисть, III, 21.

О дне выборов в Верховные Советы РСФСР, V, 7.

Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах устранения этих недостатков (Постановление пленума ЦК ВКП(б), II, 13.

Об утверждени состава Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР, V, 7.

О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года, XI, 14.

И. Д. Папанин, Молодые друзья, V, 8; Победа сталинского блока, VII, 14.

Первая сессия Верховного Совета СССР первого созыва, II, 21.

Передовая наука, VII, 24.

Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина, II, 8.

Полковник А. С. Плешаков, Дальневосточники, X, 147.

И. В. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы 11 декабря 1937 г. в Большом театре, I, 5; Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 года, VI, 7.

Сталинский блок коммунистов и беспартийных, V, 179.

С. Титаренко, Тридцатипятилетие II съезда РСДРП, IX, 139.

Критика и библиография

А. Адалис, Удача, V, 55.

В. Арамилев, Рамон Х. Сендер — «Испания идет в контратаку», IX, 189.

Р. Воинов, Гр. Адамов — «Победители недр», IV, 191; Б. Ромашев — «Родной дом», VII, 190; Патриоты, VIII, 190.

А. Волков, Маяковский и футуризм, IV, 178; Великий оптимист, V, 162.

С. Востокова, «Спать здесь не разрешается» Эдуарда Ньюхауса, перевод с английского, XI, 137.

Вера Гурвич, Творческий путь Манна, VII, 173; Оскар Мариа Граф — «Антон Зиттингер, XI, 142.

А. Дейч, Байрон, 1, 164.

Ал. Дымшиц, Три этапа, III, 185; Заметки о повести «Хлеб», VI, 179.

М. Живов, Три книги антифашистских писателей, I, 178.

Л. Жуков, Советский приключенческий и научно-фантастический роман, VIII, 170.

Заметки о воспитании молодых, I, 191.

В. Казарин, А. А. Яблочкина, воспоминания, IV, 190.

Г. Колесникова. Заметки о молодых прозаиках, X, 188.

Ф. Кошелев, Сборник статей и речей М. И. Калинина «О вопросах социалистической культуры», XI, 132.

М. Красноставский, Творчество народов СССР, I, 172.

С. Лелин, О сочинениях Лермонтова в издании «Академия», VIII, 186.

Г. Ленобль, Сильнее чем Фауст, VI, 176.

Вл. Луговской, Памяти великого ашуга, I, 145.

Элла Майзель, Ладо Кецховели, VI, 190.

М. Миллер, Лев Никулин — «Вот Москва», VI, 188.

П. Р., Вожди о комсомоле, IX, 181.

П. Рожков, Киров о молодежи, VII, 184.

Вас. Сидоров, С. Михалков, «Мои стихи», IX, 191.

Е. Сикар, «Песнь об Арсене» А. Чачикова, перевод с грузинского, XI, 140.

Г. Тихомиров, Комсомольцы в творчестве Н. Островского, X, 196.

В. Чичеров, Слово о полку Игореве, VII,